

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
Исторический факультет
Кафедра истории Средних веков

На правах рукописи

Ефремова Юлия Александровна

Природа в цистерцианской традиции XII века

раздел 07.00.00 — исторические науки
специальность 07.00.03 — всеобщая история (средние века)

автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва
2013

Работа выполнена на кафедре истории Средних веков федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования Московского Государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средних веков Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова Игорь Святославович Филиппов.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор, директор Института филологии и истории РГГУ Павел Петрович Шкаренков;

кандидат исторических наук, заведующий группой информации и проверки ЦНЦ «Православная энциклопедия», научный сотрудник Центра истории исторического знания Института всеобщей истории РАН Станислав Григорьевич Мереминский.

Ведущая организация: Институт Гуманитарных Историко-Теоретических исследований имени А. В. Полетаева при Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики».

Защита состоится «___» _____ 2013 г. в _____ на заседании Диссертационного совета Д.501.002.12 по всеобщей истории при Московском Государственном Университете им. М. В. Ломоносова по адресу: 119992, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, МГУ, Исторический факультет, аудитория А-416.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ имени М. В. Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27.

Автореферат разослан «___» _____ 2013 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

Никитина Т. В.

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Вопрос о взаимоотношениях и характере взаимодействия людей и окружающего их мира природы в явном или неявном виде присутствовал во все времена и во всех культурах. Понимание природы никогда не было однозначным. Является ли человек существом, обособленным от нее? Или же, наоборот, он — часть природного мира? При очевидной невозможности однозначного ответа на эти вопросы, они по-прежнему волнуют людей, нередко обретая форму политических и философских течений. «Зелёные» партии, проекты «поворота рек», а также экологические проблемы современности могут служить наглядными примерами того, в какой степени отношение общества и отдельных социальных групп к природе характеризует эпоху, общество и мировоззрение людей.

Проблематика и степень научной изученности темы. Природа лишь недавно стала объектом изучения историков. Первые монографии, посвящённые средневековому восприятию природы, были написаны в конце XIX в. (в первую очередь, работы А. Бизе, Г. Штокмайер и В. Ганценмюллера), однако основные историографические направления в изучении феномена природы оформились уже в XX в.

Во-первых, исследователей занимает идея природы и развитие этой идеи в различные эпохи. Эта область была и остаётся, в большей степени, доменом философов и культурологов, нежели историков, и исследователи, как правило, в меньшей степени занимаются этой проблемой на средневековом материале, чем на материале Античности или Нового времени.

Во-вторых, природа изучается в рамках историко-географических исследований. Природа здесь понимается как среда жизни людей, большое внимание уделяется связи окружающей среды с жизнью общества. Эта проблематика раскрывается, например, в работах историков Школы «Анналов»: М. Блока, Ж. Дюби, Э. Ле Руа Ладюри, Р. Фоссье. В отечественной историографии «аграрная история» лишь иногда сопровождалась изучением

отношения к природе — например, в работах Я. Д. Серовайского¹, Ю. Н. Каняшина², И. С. Филиппова³.

В-третьих, природа рассматривается в рамках историко-антропологического направления. Историки, принадлежащие к нему (Ж. Ле Гофф, П. Пилер, В. Фумагалли), делают акцент на проблемах восприятия природы, которое понимается как важная часть мировоззрения. В этой области исследователей привлекали религиозные и символические аспекты осмысления окружающего мира, популярным объектом изучения стало отражение сверхъестественного в средневековой природе (например, знамения и природные чудеса).

Большая часть современных исследований, посвящённых проблеме восприятия природы, затрагивает XII–XV вв., но в них рассматриваются, главным образом, либо философские и научные представления о природе, либо представления об отдельных природных элементах. Это позволяет избежать чрезмерных обобщений, неизбежно возникающих, когда речь идёт о всей территории Европы на протяжении столь длительного периода, однако исследования лишь отдельных вопросов не дают возможности создать целостную картину восприятия природы. Что касается цистерцианцев, то большинство исследований, так или иначе затрагивающих тему природы, касаются экономической деятельности монахов; их представления о природе только изредка становятся предметом изучения в обобщающих работах по средневековому монашеству.

Объектом исследования является цистерцианское монашество на раннем этапе истории ордена и его представления о природе. Речь идёт о людях,

¹ *Серовайский Я. Д.* История леса как раздел исторических знаний: Тезисы доклада // Материалы итоговой научной конференции проф.-препод. состава КазГУ. Алма-Ата, 1974. С. 17–19; *Он же.* Развитие прав феодальной собственности на леса и пастбища на территории Франции (VI–IX вв.). Алма-Ата, 1978.

² *Каняшин Ю. Н.* Структура аграрного пейзажа Южной Бургундии в X–XI вв. Алматы, 2000.

³ *Филиппов И. С.* Средиземноморская Франция в раннее средневековье. М., 2000. С. 148–165, 310–327.

нередко хорошо знакомых друг с другом, обладающих особым коллективным опытом и своей системой ценностей, следующих одному жизненному укладу и ориентирующихся на одни и те же образцы, то есть принадлежащих к единой традиции. Масштабы «цистерцианского мира», общность жизненного уклада и определённая обособленность от прочих культурных традиций (например, очевидная оппозиционность по отношению к клюнийскому монашеству) позволяют говорить о возможности существования в рамках цистерцианской традиции особого, теоретически обоснованного отношения к природе.

Это отношение к природе и является **предметом настоящего исследования**. Нас интересуют представления цистерцианских монахов о природе и связь этих представлений с жизненным укладом, принятым в их обителях, а также те культурные смыслы, которыми наделялась природа в цистерцианской традиции.

Хронологические рамки работы ограничиваются главным образом XII в. *Terminus post quem* является 1098 г. — год основания Сито, первой цистерцианской обители. В качестве *terminus ante quem* выбран рубеж XII–XIII вв., время, отмеченное принципиальными изменениями в образе жизни монахов. XII в. — это время возникновения и становления цистерцианского ордена, а также время его наивысшего подъёма, связанного, в первую очередь, с именем Бернарда Клервоского, и, наконец, начало нового этапа в истории цистерцианства, связанного с новой организацией хозяйственной деятельности монастырей. Если же говорить о средневековой культуре в целом, то XII в. во многом отмечен завершением раннесредневековой традиции восприятия природы. Тринадцатое столетие уже не «цистерцианское», но «францисканское» и «доминиканское» время, период, когда появляются и обретают влияние нищенствующие ордены. Образ жизни бродячих проповедников и, соответственно, характер их взаимодействия с природой заметно отличаются существовавшего ранее. Кроме того, начиная с этого времени все большее распространение получают схоластические представления

о природе как о механизме или же некой творящей силе, «кузнице» всего живого. Меняется и характер взаимодействия с ней человека.

Географические рамки исследования охватывают восток современной Франции. Особое внимание уделяется Бургундии и Шампани — Лангрскому, Шалонскому и соседним диоцезам. Это объясняется тем, что в данном регионе зародился цистерцианский орден, здесь в первые десятилетия его существования было основано наибольшее число обителей. Тем не менее, в работе использовано значительное количество источников из других областей Франции, а также некоторые тексты, написанные в Англии и Германии, — странах, где влияние цистерцианского ордена было также очень сильным. В данном случае место создания текста во многих случаях не имеет решающего значения для исследователя природы, поскольку, в целом, мы можем говорить о наличии единой цистерцианской традиции. Не следует забывать и о том, что многие цистерцианские авторы, прожившие большую часть жизни вне Франции, воспитывались и получили образование в Сито, Клерво и других ключевых обителях ордена, находившихся во Франции.

Источники. Используемые источники можно разделить на три группы: нарративные, документальные и нормативные. К первой группе мы отнесли письма, трактаты, проповеди цистерцианских мыслителей — Бернарда Клервоского, Элреда Ривоского, Гильома из Сен-Тьерри, Гверрика из Иньи, Николая Клервоского, Амадея Лозаннского, Эрнальда Бонвоского, Жоффруа Осерского, Одона Моримонского, Адама Персенского, Элинанда Фруамонского, Конрада Эбербахского и др. Наряду с сочинениями цистерцианских авторов, для некоторых сюжетов нашего исследования необходимо было привлечь и другие произведения, как более ранние, так и относящиеся к XII в. В первую очередь это тексты, созданные современниками цистерцианцев — главным образом, монахами-бенедиктинцами (Петром Достопочтенным, Ордериком Виталием и др.). В ряде случаев привлекаются также сочинения Отцов Церкви (Августина, Григория Великого и др.) и раннесредневековых авторов (в первую

очередь Григория Турского, Венанция Фортуната), дающие нам возможность осмыслить более раннюю традицию и проследить её развитие.

Вторую группу составляют документальные источники (картулярии монастырей Модем, Бонкомб, Бонво, Леонсель и др.). Документы, и прежде всего грамоты монастырей Сито и Клерво, помогают прояснить информацию, содержащуюся в источниках нарративных: сопоставляя её с описаниями природных объектов в грамотах, мы можем лучше понять, какой в действительности была та или иная местность, составить представление о реальных условиях существования монастырских обителей, их действительном природном окружении, хозяйственной деятельности.

К третьей группе источников относятся нормативные документы цистерцианского ордена — «Хартия христианской любви» (*Carta Caritatis*), «Малое начало» (*Exordium parvum*) и «Начало Сито» (*Exordium Cistercii*), где содержатся свидетельства об укладе жизни обителей и организации труда в них. Привлекается также устав святого Бенедикта и обычаи Ключни.

При написании диссертации были использованы, помимо опубликованных, также неопубликованные тексты из рукописного собрания Французской Национальной Библиотеки. Это, в частности, ряд проповедей Одона Моримонского⁴, теологический трактат Фулько, цистерцианского монаха конца XII – начала XIII в., происходящего, скорее всего, из Северной Франции⁵, а также картулярии аббатств Фруамон в диоцезе Бове⁶, Бопре в Тульском диоцезе⁷, Воклер в Нуайонском диоцезе⁸. Полный список неопубликованных источников приведён в библиографии диссертации.

Научная новизна работы. Новизна диссертационного исследования определяется, прежде всего, новизной предмета изучения — представлений о

⁴ *Odo Morimundensis. Sermones* // BNF ms. lat. 3010. F. 22-147v.

⁵ *Fulco, monachus Cisterciensis. Liber florum* // BNF ms. lat. 3144. F. 1-168.

⁶ Картулярий аббатства Фруамон. Рукопись XIII в. // BNF ms. lat. 11001.

⁷ Картулярий аббатства Бопре. Рукопись конца XII в. // BNF ms. lat. 11024.

⁸ Картулярий аббатства Воклер. Рукопись XIII в. // BNF ms. lat. 11073.

природе и отношения к ней в цистерцианской традиции. Специфика данного исследования заключается в синтезе различных подходов к изучению природы. Работа в равной степени затрагивает представления цистерцианских монахов о природе и ее реальное место в их жизни: природное окружение монастырей, его преобразование, связанное с хозяйственной деятельностью монахов, саму эту деятельность.

В отличие от набора классических «теоретических» средневековых работ и рассуждений о природе (сохранившихся в многочисленных энциклопедиях «о природе вещей», бестиариях, романах и т. п.), основное внимание в данной работе сосредоточено на «непрофильных» сочинениях средневековых монахов (богословских трактатах, проповедях, письмах, нормативных документах), остающихся малоизученными с точки зрения восприятия природы и позволяющих взглянуть на него под несколько другим углом.

Вводится в научный оборот ряд неопубликованных источников из рукописного собрания Французской Национальной Библиотеки.

Методологической основой исследования являются важнейшие принципы исторической науки: научность, объективность, историзм, которые позволяют увидеть специфику восприятия природы в Средние века в ее развитии и взаимосвязи с социо-культурными процессами изучаемого времени. Применялись и специальные методы, характерные для исторического исследования, такие как проблемный метод, лежащий в основе формирования структуры диссертации, системный метод, а также методы сравнительно-исторического анализа. Исследование носит междисциплинарный характер, в нём используются методы и понятийный аппарат как истории, так и философии, содержится историко-филологический анализ источников, разбираются богословские доктрины XII в.

Задачи исследования. Исследование имеет три основные задачи. Первой является анализ «теоретических» представлений цистерцианцев о природе. В рамках этой задачи формулируются следующие исследовательские вопросы.

Что понимали цистерцианцы под словом «природа»? В какой мере их отношение к ней определялось традициями, сложившимися в западноевропейской культуре к XII в.? Какими были их представления о мировом порядке и возможности нарушить его? Каким, по мнению цистерцианцев, должно быть отношение человека к природе?

Второй задачей является анализ присутствующих в цистерцианских текстах описаний отдельных природных реалий (небесных светил, деталей ландшафта, растений и т.д.). На что в окружающем мире цистерцианские монахи обращают внимание, а что, напротив, не получает отражения в их текстах? Каким было соотношение символично-аллегорических представлений с реальными наблюдениями за природой? Какие образы, предписанные традицией, использовали цистерцианцы?

Третья задача заключается в прояснении конкретных способов бытования подобных представлений на примере отдельных монастырей. В каком природном окружении протекала жизнь цистерцианских монастырей? Как выбиралось место для основания нового монастыря? Как обитатели встраивались в природное окружение? Как монахи преобразовывали окружающий ландшафт в соответствии со своими взглядами? В частности, как представления о природе отражались на символике и эстетике монастырского сада? Насколько традиционные для средневековых описаний природы образы прекрасного и ужасного места (*locus amoenus* и *locus horridus*) применимы к устройству цистерцианской обители и ее непосредственного окружения, какое значение эти понятия имели для монахов ордена?

Практическое значение исследования. Материалы и выводы настоящей диссертации могут быть использованы для дальнейшего изучения представлений о природе в Средние века, а также для изучения цистерцианского ордена. Нарботанный материал может быть полезен при чтении специальных курсов по истории средневековой культуры и религии,

средневекового монашества, природной среды и ономастики, при издании общих и специальных учебных пособий по истории Средних веков.

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались в 2008-2012 гг. на заседаниях кафедры истории Средних веков Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Отдельным сюжетам, связанным с диссертационной работой, посвящён ряд выступлений на научных конференциях и в рамках самостоятельных докладов в МГУ имени М. В. Ломоносова, ИВИ РАН, Тюбингенском университете имени Карла Эберхарда, университете г. Пуатье. Результаты исследования отражены в публикациях, приводимых в библиографии.

Структура работы

Работа состоит из введения, историографического раздела, обзора источников, трех глав, заключения и приложений в виде перевода анонимного цистерцианского трактата «Описание местоположения монастыря Клерво» и карты расположения наиболее важных цистерцианских обителей XII в.

Во **введении** обосновывается актуальность темы, формулируются географические и хронологические рамки исследования, а также цели и задачи работы, определяется методологическая основа диссертации.

В **историографическом разделе** подробно рассматриваются становление и развитие научного интереса к природе и ее восприятию. Приводится обзор основных направлений в изучении природы. Особое внимание уделено отечественной «историографии природы» и работам, посвящённым отдельным природным реалиям (лес, реки и озера, моря, долины и реки, сады и пр.)

В **источниковедческой части** даётся характеристика творчества цистерцианских авторов XII в., труды которых послужили основой для диссертационного исследования. Приводится обзор основных жанров нарративных источников (проповеди, трактаты, агиография, письма) с акцентом на различии в описании в них природы. Кроме того, охарактеризованы важнейшие документальные (с экскурсом в историю их издания) и нормативные источники. Особое внимание уделяется неопубликованным текстам.

Первая глава «Цистерцианское осмысление природы в контексте традиции» посвящена теоретическим представлениям цистерцианцев о природе и состоит из шести параграфов.

Первый параграф **«Природа как сущность»** представляет собой анализ понятия «природа». Под природой понимаются, главным образом, неотъемлемые свойства, присущие Богу, человеку или какому-либо элементу мира. Все остальные значения являются второстепенными и могут быть сведены к первому, хотя и несколько различаются по смыслу. «Природа» в

сотворённых вещах, — не что иное, как инструмент божественного могущества, с помощью которого Бог может влиять на происходящее в мире: вмешательство может осуществляться как «посредством природы», так и «непосредственно», что, впрочем, не значит «против природы».

Во втором параграфе **«Природа как творение»** рассматриваются представления о природе как о божьем творении. Мир представлялся цистерцианцам хранилищем особого знания, сознательно заложенного в него Богом и доступного восприятию человека; человеку оставалось только найти «ключ» к получению этого знания. Таким «ключом», или методом, является символично-аллегорическое восприятие мира. Интерес к природе всегда вызван духовными мотивами; в глазах цистерцианцев, она не обладала самостоятельной ценностью.

Третий параграф **«Законы природы»** посвящён разбору понятий «закон природы» (*lex naturae*) и «порядок природы» (*ordo naturae*) в цистерцианских текстах. Цистерцианские авторы не сомневались в существовании некоего порядка вещей и рассматривали его как внешний по отношению к человеку закон, согласно которому существует весь мир и он сам в этом мире. Этот порядок не присущ природе изначально, но заложен в неё Создателем и является выражением его заботы о человеке, поскольку, постигая «порядок природы», человек может приблизиться постижению замысла Творца.

В четвёртом параграфе **«Чудеса в природе»** рассматриваются чудеса как способ объяснить причины происходящих в природе явлений. Цистерцианцы выделяют два вида чудес — *mirabilia* и *miracula*. Под *mirabilia* понимаются, удивительные явления в природе, которые не являются нарушением установленного в ней порядка, но заложены в нем изначально, как, например, приливы и отливы. Другой вид чудесного — *miracula* — представляет собой отдельные явления, чудеса, совершенные святыми или произошедшие на месте их погребения или хранения их мощей. Чудо предполагает нечто, выходящее за рамки естественного хода вещей, то есть за рамки природы. Это проявление

абсолютной и неограниченной силы Бога, в то время как закон природы — упорядоченное проявление его же власти. Для цистерцианской традиции характерно уменьшение интереса к «чудесному» в окружающем мире, что свидетельствует об изменениях в отношении к природе.

В пятом параграфе **«Природа как творящая сила»** рассматриваются представления о природе как о действующем субъекте. Природа сохраняет и продолжает первоначальный труд Господа, являясь лишь исполнителем (*opifex*). Под творением природы понимаются, как правило, явления, повторяющиеся с регулярностью по принципу сотворения подобного из подобного (например, рост и увядание растений), тогда как удивительные и уникальные явления случаются благодаря божьей благодати, которая стоит выше природы. На протяжении XII в. природа всё чаще появляется в текстах как творящий или действующий субъект, что является предвестником представлений о персонификации природы, появившихся в Западной Европе к началу XIII в.

Шестой параграф **«Человек и природа»** посвящён цистерцианским представлениям о взаимоотношениях природы и человека. В XII в. заметно возросла внутренняя колонизация территорий, связанная, в первую очередь, с расчистками лесов, а также с освоением болот и распашкой новых земель, и среди монахов именно цистерцианцы особенно активно участвовали в этой колонизации. Им казалось возможным «очистить» природу путём освоения новых земель с помощью земледельческого труда. Таким образом, новые представления о природе непосредственно связывались с новым образом жизни монахов, отличающим их от бенедиктинцев.

Вторая глава «Природные реалии и их интерпретация» посвящена отражению в источниках окружающего мира: неба, ландшафта и его частей. Глава состоит из семи параграфов.

Первый параграф **«Небо и небесные светила»** посвящён представлениям о месте неба, солнца, луны и звёзд в цистерцианской картине мира, а также понятиям света и тьмы. Как само небо, так и небесные светила, имеют в

цистерцианских текстах исключительно положительную семантику, при этом в метафорическом плане они фигурируют чаще, чем в качестве реалий земного мира.

Во втором параграфе («Лес») анализируется один из главных элементов средневекового пейзажа и отношение к нему в цистерцианской традиции. Жизнь цистерцианских монахов была тесно связана с лесом, важной частью природного окружения монастырей, нашедшей отражение в топонимии многих обитателей. Участие цистерцианцев в расчистках можно проследить главным образом по грамотам и топонимии, в то время как в трактатах, проповедях и житиях сведений об этом нет. В согласии со средневековой традицией, к лесу относились, скорее, негативно, воспринимая его как место, полное опасностей и наводящее страх.

В третьем параграфе («Долины») проводится анализ символическо-мистического значения этого вида ландшафта для цистерцианцев, и в первую очередь для Бернарда Клервоского. С одной стороны, долина — это символ смирения, добродетели; она олицетворяет собой испытания, через которые человеку приходится пройти в земном мире, и сам этот мир, «место ужаса и бескрайнего одиночества»; с другой стороны, долина напоминает о райском саде, это место прекрасное, наводящее на мысль о том, какой могла бы быть и какой должна стать вся земля. Именно поэтому в представлении Бернарда долина становится наиболее подходящим местом для основания обитателей.

Четвёртый параграф — «Горы и холмы» — посвящён отношению цистерцианцев к природным возвышенностям, их символике и хозяйственному использованию. В повседневной жизни возвышенности приобретали двойственное значение: люди учились извлекать пользу из этих территорий, и, в то же время, горы и холмы становились препятствиями при перемещениях и нередко представляли опасность. Цистерцианские авторы зачастую писали о возвышенностях как об отталкивающем месте, однако на их склонах пасли скот

и выращивали виноград. Символика возвышенностей двойственна: это символ праведников и добродетелей и одновременно — дьявола и высокомерия.

В параграфе «**Реки, озера и болота**» рассматриваются водные детали ландшафта. Отношение авторов к рекам также было двойственным: реки представляли опасность и вместе с тем были необходимы для жизни; в соответствии с библейской символикой, они ассоциировались с Господом и очищением от грехов, и в то же время — с худшими злодеяниями и пороками. Озера в цистерцианском мировосприятии не обладали особой значимостью. Символически они связаны, главным образом, с бедами и отчаянием и нередко получали отрицательные характеристики. Незначительное присутствие болот в источниках объясняется довольно редким упоминанием их в Библии и почти полным отсутствием непосредственно связанной с ними библейской символики. В немногих упоминаниях болот в символическом смысле последние являются олицетворением пороков.

Шестой параграф — «**Море**». В текстах цистерцианских авторов XII в. нет подробных описаний моря, о котором большинство авторов, судя по всему, имели довольно туманные представления. Не будучи непосредственным «фоном» повседневной жизни подавляющего большинства цистерцианских монахов, море, тем не менее, довольно часто появляется в их текстах и обладает не менее богатой символикой (как положительной, так и отрицательной), чем другие части пейзажа, упоминаемые в Библии.

Седьмой параграф — «**Возделанные территории**» — посвящен полям. Упоминания о полях в нарративных источниках неизменно наделяются аллегорическим смыслом. Обрабатываемые территории были необходимы для удовлетворения хозяйственных нужд монастыря, а также были зримым доказательством служения человека Господу. Такие представления находят отражение и в многочисленных метафорах, связанных с сельским хозяйством (например, метафоры Господа как земледельца или садовника) и

встречающихся у цистерцианцев значительно чаще, чем у монахов других орденов.

Третья глава — **«Монастырь и природа»** — состоит из двух частей. Первая часть **«*Locus horridus: основание монастырей*»** посвящена природному окружению, в котором основывались первые цистерцианские обитатели, и его изображению в источниках.

В первом параграфе **«*Desertum* как место основания монастыря»** рассматривается феномен «ухода в пустынь» в среде западноевропейского монашества XI-XII вв. и разбирается термин «пустынь», *desertum*. «Пустынь» не связывается прямо ни с какой конкретной географической реальностью: под ней могут пониматься и лес, и горы, и равнины, и болота, и любая дикая или заброшенная местность. Для цистерцианцев это места, предоставляющие возможность для духовного подвига и, в то же время, связанные с библейской символикой пустыни: именно они выбираются для основания новых обителей.

Второй параграф **«Природное окружение первых цистерцианских обителей»** посвящён тем природным условиям, в которых основывались монастыри, и их описанию в источниках. При основании обителей, наряду с условиями, объективно необходимыми для существования, учитывались и другие важные для монахов требования. Места, выбираемые цистерцианцами, соответствуют критериям, предписанным уставом святого Бенедикта, где сказано, что монастырь должен быть обеспечен всем необходимым, но не говорится о каком-либо определённом природном окружении. В цистерцианской среде XII в. можно выделить две несколько различающихся между собой модели, представленные обителями Сито и Клерво: несмотря на многочисленные общие черты, различные типы местности — равнинные территории, с одной стороны, и долины, окружённые холмами, с другой, порождали несколько различные интерпретации того, где именно следует основывать обитель.

В третьем параграфе «**Суровость условий: идеал или реальность?**» рассматриваются жалобы на тяжёлые условия жизни в монастыре, которые нередко можно встретить в цистерцианских источниках, а также случаи переноса монастырей. Хотя многие обитатели располагались в болотистых и иных неблагоприятных местностях, это не было обязательным условием их существования. Нередко суровость выбранных мест являлась следствием уединённости территории, ведь действительно уединёнными в это время были лишь те земли, которые было сложно или невозможно обрабатывать.

В четвёртом параграфе «**Место основания обители как место ужаса и бескрайнего одиночества**» рассматривается символическое значение места основания монастыря. Оно интерпретируется через библейские тексты, в том числе из Второзакония⁹, которые стали для цистерцианцев принципом при выборе места для новых обителей. Во всех цистерцианских источниках, как этого времени, так и более поздних, место основания обителей описывается как «ужасное место», *locus horridus*.

Вторая часть «**Монастырь как *locus amoenus***» посвящена монастырскому саду, а также представлениям о монастыре и его природном окружении как о прекрасном месте.

В первом параграфе «**Природа в монастыре: сад, огород, внутренний двор**» рассматривается внешний вид монастырского сада, изучаются его растения и их практические функции (питательная и целебная). В саду росли плодовые деревья, к нему примыкал огород, где выращивались овощи и иные съедобные и лекарственные растения. Внутренний двор с садом был одним из главных центров жизни в монастыре. Здесь проводили время в духовном созерцании, а монахи, выздоравливающие после болезни или уже не способные

⁹ Invenit eum in terra deserta in loco horroris et vastae solitudinis (Втор. 32, 10). В русском синодальном переводе этот стих передан следующим образом: «в пустыне, в степи печальной и дикой», то есть упоминается самое безлюдное для русских людей место, каковым является степь – природная среда, отсутствующая в Палестине.

к тяжёлой работе, выполняли послушания; кроме того, в саду хоронили умерших.

Во втором параграфе **«Символика сада и его растений»** рассматривается символическая функция сада. Сад был значимым элементом превращения места, где был основан монастырь, из *locus horridus* в *locus amoenus*, наглядно демонстрируя параллели между явлениями разных пластов европейской культуры, а именно между античной Аркадией и христианским Эдемом. Монастырский сад был своего рода моделью земного рая, некоторые существенные черты которого воплощались буквально. Сам процесс разбивки сада как бы повторял процесс Творения в миниатюре.

Третий параграф **«Эстетика сада»** посвящён наиболее важной из функций монастырского сада — эстетической. Эстетическое в Средние века было неотделимо от этического: «прекрасное» являлось синонимом «хорошего». Красота в Средние века — это, в первую очередь, красота моральная, или духовная. Именно в качестве таковой можно рассматривать красоту природы, которая воспринималась как откровение, путь к познанию Бога. Красота природы призвана была демонстрировать совершенство пропорций, гармоничность, постигаемую разумом, но не чувством.

В четвёртом параграфе **«Монастырь как модель рая»** анализируется мотив превращения пустыни в райский сад, а также цистерцианская топонимия. На примере цистерцианских монастырей преобразование природы особенно заметно — в первую очередь, благодаря разительности контраста между природным окружением до и после прихода монахов. В возможности этого преобразования заключается главное значение, которое приобретала для цистерцианцев природа. Монастырь предстаёт как прекрасное место и в названиях цистерцианских обителей. Во многих случаях — и заметно больше, чем в монастырях других орденов — в них присутствуют указания на те или иные природные реалии. Подчёркивая наиболее благоприятные черты природного окружения, такая топонимия призвана вызвать в воображении

образы некой прекрасной местности (например, Бонво, *Bona Vallis* — «Добрая долина», Болье, *Bellus locus* — «Прекрасное место»).

В **Заключении** суммируются выводы, обосновывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования.

Положения, выносимые на защиту:

- Цистерцианская традиция отношения к природе представляет собой переходное звено от раннесредневековой традиции к восприятию природы, сформировавшемуся в XIII в. в схоластической философии и духовной литературе представителей нищенствующих орденов. Важнейшим слоем восприятия природы остаётся созерцание её через призму библейских аллюзий и экзегетики. С другой стороны, в цистерцианской традиции зарождается идея человека-созидателя, способного преображать тварный мир.

- Для цистерцианских авторов природа имеет значение, прежде всего, как творение Бога, позволяющее лучше понять Творца. Природные явления и элементы окружающей среды появляются в текстах, главным образом, как символы и аллегории, а не как части реального мира. При этом частота их упоминания напрямую зависит от важности места, которое они занимают в Библии, от насыщенности их символики. Природа в цистерцианских текстах — природа «духовная», знания о которой почерпнуты, в основном, из Писания.

- Важной чертой цистерцианской традиции являются новые представления о взаимоотношениях человека и природы, обусловленные образом жизни монахов этого ордена. Это подчёркивают в т. ч. многочисленные, переходящие из текста в текст метафоры, связанные с сельскохозяйственными работами. Человек, с точки зрения цистерцианцев, призван, насколько это в его силах, «очистить» природу от порчи, которой та подверглась после грехопадения.

- Исследование семантики неба и небесных явлений, различных видов ландшафта (лес, горы, долины, море) демонстрирует, что среди всех природных объектов исключительно положительной символикой наделяются только те, что связаны с сельскохозяйственным трудом: поля, виноградники, сады, луга. Прочие же воспринимаются, главным образом, отрицательно. В отношении цистерцианцев к природе, как и в ее описаниях, присутствуют главным образом крайности.

- Зарождение идеи о ценности преобразования природы человеком нашло наиболее яркое отражение в историях основания и развития обителей. Обязательная характеристика места основания монастыря как диких и ужасных земель, *locus horribilis*, становится неотъемлемой частью цистерцианской идентичности. Указания на труднопроходимость и другие подобные черты местности, однако, отражают не столько настоящую природу, сколько образ природы, созданный монахами, некий фон, наиболее подходящий для реализации их идеала. Со временем описания трудностей и ужасов сменяются восхищением красотой места, где располагается обитель, в его изображении появляются черты, характерные для топоса «прекрасного места», *locus amoenus*. Наиболее значимым и символически насыщенным элементом превращения места, где был основан монастырь, из *locus horridus* в *locus amoenus* был сад, воспринимавшийся как своего рода модель земного рая в миниатюре.

Список публикаций по теме диссертации:

1. *Ефремова Ю. А.* Трактат Григория Турского «Расчет движения звезд» как исторический источник // Средние века. М., 2010. Вып. 71 (3–4). С. 145–175. — 0,6 авт. л., перевод 0,6 авт. л.
2. *Ефремова Ю. А.* Восприятие пустыни у ранних цистерцианцев // Вестник Московского Государственного Университета. Серия «История». М., 2012. №1. С. 9–27. — 0,8 авт. л.
3. *Ефремова Ю. А.* Природа и труд в представлениях цистерцианцев // ЭНОЖ «История». 2012. Вып. 2 (10). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mes.igh.ru/magazine/content/zisterianzi-priroda-i-trud.html> (последнее обращение 29.09.2012). — 1 авт. л.
4. *Ефремова Ю. А.* Символика монастырского средневекового сада (на примере раннецистерцианской традиции) // Диалог со временем. М., 2012. Вып. 40. С. 160–172. — 0,9 авт. л.
5. *Ефремова Ю. А.* Основание цистерцианских монастырей в XII в.: природные условия и их восприятие // Средние века. М., 2013. Вып. 73 (3–4). С. 83–103. — 1,3 авт. л.
6. *Ефремова Ю. А.* F. Guizard-Duchamp. Les terres du sauvage dans le monde franc (IV-IX siècle). Rennes, 2009. 284 P. [рецензия] // Средние века. М., 2011. Вып. 72 (1–2). С. 409–413. — 0,3 авт. л.
7. *Ефремова Ю. А.* Языковые образы человека в средневековой западной культуре: термин *persona* у Бернара Клервоского // Культурная антропология образования. Книга 1. Языковые образы человека в истории культуры / Ред. В. В. Глебкин. М., 2011. С. 60–80. — 1 авт. л.
8. *Efremova Yu.* John ABERTH. — An Environmental History of the Middle Ages : The Crucible of Nature. New York; Routledge, 2013. 326 P. [рецензия] // Cahiers de Civilisation Médiévale. Poitiers, 2014. [в печати]. — 0,2 авт. л.